

ДАРЬЯ ДОНЦОВА

Записки
счастливой
прихожанки

Москва

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 82(Рос=Рус)6-44
Д67

Гостиная-клуб Дарьи Донцовой.
Личное общение с автором доступно здесь:

В оформлении использованы иллюстрации:
© Tvins, art_pro / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com
Макет *Юрия Щербакова*

Донцова, Дарья Аркадьевна.

Д67 Записки счастливой прихожанки / Дарья
Донцова. – Москва : Эксмо, 2024. – 256 с.

ISBN 978-5-04-180579-1

Книга, которую вы держите в руках, откровенный рассказ о моем пути к Богу. О непонимании, с какими прекрасными людьми я вроде бы случайно встречалась, не догадываясь, что их посылал мне Господь. О том, как трудно признавать свои ошибки, как сложно смиряться, как нелегко понять: изменять надо не окружающим, а себя. Я до сих пор шагаю по этой дороге, падаю, спотыкаюсь, плачу, но иду. Почему не останавливаюсь? Потому что в конце я надеюсь увидеть Господа нашего Иисуса Христа, Матушку Богородицу, всех Святых, прославленных и непрославленных. Я очень хочу их увидеть и сказать: « Я люблю вас, простите меня». Ваша Агриппина.

УДК 821.161.1-31
ББК 82(Рос=Рус)6-44

© Донцова Д.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-180579-1

«Помни, что к Царству Небесному идут
не от победы к победе, а от поражения к пора-
жению, но доходят только те, которые не садятся
в отчаянии на обочине, но встают и идут дальше.

Идут и плачут по дороге о грехах...»

Святитель Тихон Задонский

Посвящается отцу Александру,
Настоятелю Храма Спаса Нерукотворного Образа
в селе Уборы Московской области, Матушке
Ирине и всем прихожанам Храма.

6 января 1960 года

Вшколу семилетняя Груня Васильева¹ пошла первого сентября тысяча девятьсот пятьдесят девятого года. Девочке купили коричневое школьное платье, два фартука – черный и белый, такие же туфельки и ранец.

Первый раз в первый класс я отправилась в сопровождении бабушки, Афанасии Константиновны. Отец уехал куда-то по работе, мама оказалась на гастролях. Букет бабуля не покупала. У нас дома на окнах буйно цвела

¹ Дарья Донцова – псевдоним. Писательницу зовут Агриппина (Груня), Васильева ее девичья фамилия.

герань, в моем детстве ее считали лучшим средством от моли. Баба Фася, или бабася, так я называла Афанасию Константиновну, срезала цветы, завернула их в белую бумагу, перевязала ленточкой. Разбудили меня рано, велели съесть кашу, выпить какао, потом мы пошагали в школу. Сначала пересекли Ленинградский проспект, потом двинулись через парк, вышли в Чапаевский проезд, и вот она, тогда спецшкола номер три с преподаванием ряда предметов на немецком языке. В первый день мне там понравилось, второй тоже прошел ничего, на третий я поняла: вставать по звонку будильника отвратительно. А через неделю Груня возненавидела сие учебное заведение всеми фибрами своей детской души. Почему? Там скучно! Учительница велит читать букварь: «Мама мыла раму». А первоклассница Васильева жила в квартире, где повсюду: на кухне, в коридорах, даже в туалете — висели полки, забитые томами. Я не любила играть во дворе, маленькой Груне нравились книги. Запах страниц, иллюстрации, предвкушение новых приключений...

Читать я научилась сама в пять лет, чем весьма удивила бабушку. Когда мы с ней один раз пошли в магазин, я громко спросила:

— Булочная... Бабуля, почему так написано? «БулоЧная»? Надо же — «БулоШная».

Афанасия Константиновна жила в Москве с начала двадцатых годов прошлого века и давно научилась произносить слова как все москвичи: «молоШная» — вместо «молочная». «МАлАко» — вместо «молоко». А я появилась на свет в столице и, естественно, тоже акала и шикала.

— Правильное написание — «Булочная», — ответила баба Фася и спохватилась: — Грушенька, ты умеешь читать?

Вопрос удивил. Бабуля часто сидит с книгой, папа мой в свободное время тоже с каким-то томом. Летом во дворе жильцы дома на лавочках читают. И тетя Катя, наша лифтерша, в подъезде с книжкой время проводит.

— Кто тебя научил? — не утихала баба Фася.

Никто. Буквы у Грушеньки сами собой сложились вместе. Это же очень просто! Смотришь на «а», «б», «в», «г», «д» — видишь слово. До первого класса я прочитала много сказок, в семь лет взялась за Майн Рида. А теперь скажите, радостно ли ученице Васильевой бормотать вслух по слогам про маму и раму? Чтобы не дай Бог вы не посчитали меня вундеркиндом, сразу скажу:

арифметика давалась девочке с огромным трудом. А урок труда просто кошмар. Нас учили шить нарукавники и фартуки, но ученица Васильева даже такие вещи сострочить не сумела.

Когда в начале ноября бабуля сказала: «Скоро каникулы», то внучка не поняла, о чем она говорит. Афанасия Константиновна уточнила:

— Чтобы дети очень уж не уставали, для них сделано четыре отпуска, их называют каникулы. В ноябре вы не учитесь неделю, в январе десять дней, в марте столько же, а потом целое лето гуляете.

Я заплакала. При этом разговоре присутствовала тетя Фира Костюковская, она умилилась:

— Фасенька, как Грушенька любит школу.

Услыхав эти слова, я живо удрала из кухни в спальню, которая служила общей нашей с бабушкой комнатой. Я обожала нашу соседку по подъезду, она добрая, всегда при встрече хвалит Груню, а какие вкусные пироги печет! Девочке не захотелось, чтобы Эсфирь Григорьевна узнала правду: Грушенька рыдает от счастья, что она хоть на время избавится от учебы!

Осенние каникулы я провела великолепно, потом началась вторая четверть, но жизнь уже не казалась беспросветной. Первоклашка знала: впереди десять восхитительных дней, когда можно спать сколько хочется, читать вволю интересные книги, а не скучать над текстом про маму, раму и яблоки, которые покупает Петя.

Шестого января вечером я сидела в кресле, поджав ноги, и тихо плакала над книгой Януша Корчака «Король Матиуш Первый». Ну почему народ так несправедливо поступил с юным государем? И тут в комнату вошла бабушка. Сначала я подумала, Фася сделает внучке справедливое замечание: воспитанные дети не втягивают ноги в кресло и уж точно они не вытирают слезы кружевной салфеткой, которая лежит на столике. За такое поведение могут и в угол поставить.

Но бабася повела себя иначе.

— Мороз на улице, — весело сказала она, — надо тебе натянуть рейтузы и теплый свитер на платье. Иначе замерзнешь.

Я заморгала. Время — семь часов, в восемь следует отправляться спать. Какие рейтузы?

— Бабася, мы гулять пойдем? — осторожно уточнила внучка.

— Поедем в гости, — огорошила известием бабуля.

Я растерялась. У Афанасии Константиновны имелся брат, дядя Миша. Он жил на другом конце Москвы, возле станции метро «Автозаводская», иногда мы его навещали. Еще бабуля дружила с тетей Фирой и Надеждой Варфоломеевной Розовой, та тоже обитала в нашем подъезде, на третьем этаже. А к моей маме часто приходили разные артисты: Тамара Степановна служила в Москонцерте главным режиссером. Папа писал дома книги и был парторгом Союза писателей, к нему тоже заглядывали разные люди. Но меня укладывали в восемь, я никогда не сидела со взрослыми. У Груни была одна подруга — Маша. Мы с ней по сей день вместе, Манюня мне как сестра. Она жила в соседнем доме, а ее бабушка Анна Ивановна и мама Тамара Владимировна очень вкусно готовили, Грушеньку всегда угощали до отвала. Если родители уходили к друзьям, дочку они никогда с собой не брали. Я с бабушкой только дядю Мишу посещала. Девочка жила по строгому распорядку. В девятна-

дцать сорок пять мне следовало принять душ, почистить зубы и лечь в постель. До двадцати пятнадцати разрешалось почи- тать книгу, потом свет выключали, несмот- ря на мое нытье: «Бабасенька, только еще одну страничку».

Но Афанасия Константиновна никогда не давала внучке поблажку. Томик откла- дывался, свет гас. Но Грушенька-то знала: бабушка сейчас сядет пить чай, станет про- сматривать газеты, потом отправится в го- стиную смотреть телевизор.

Стараясь не шуметь, школьница выни- мала из тумбочки фонарик, накрывалась с головой одеялом и упивалась приключе- ниями трех мушкетеров, сочувствовала графу Монте-Кристо, пугалась всадника без головы, тихо смеялась над проделками Тома Сойера.

Но сегодня бабася ведет себя очень странно. Семь вечера! А мне дали самое праздничное, красивое, кружевное пла- тье, белые колготки. Сама Фася наряди- лась в шелковую блузку, парадную юбку, положила в сумку свои лаковые «лодочки» и мои выходные туфельки. Потом мы обе натянули рейтузы, свитера, шубы, шапки и... пошли к метро!

Я не понимала, что происходит, но на всякий случай не задавала вопросов. Афанасия Константиновна пребывала в прекрасном настроении, она всем улыбалась и выглядела как невеста, которая едет на свадьбу. Выйдя из метро, мы оказались на вокзале.

— Надо поторопиться, — весело сказала бабася и ринулась к кассам.

Семилетняя Груня считала, что восемь вечера — глубокая ночь и большинство людей в это время уже читают в кровати перед сном книги. Но и в метро, и на вокзале было много народа. И что особенно удивило: рядом со взрослыми находились дети. Мы сели в электричку и куда-то поехали. Через какое-то время по проходу между деревянными скамьями с высокими спинками побрела женщина в ватнике, поверх которого натянут белый халат.

— Мороженое, — кричала она, — лучшее, московское!

Я даже не мечтала получить лакомство. И вдруг Фася остановила торговку, взяла эскимо и протянула внучке. Кабы сейчас вагон перевернулся вверх колесами и так поехал дальше, Грушенька бы меньше удивилась. Мне дали мороженое? И я могу его слопать

прямо сейчас? В вагоне? Ночью? Афанасия Константиновна, похоже, сошла с ума! Она никогда не разрешает внучке вне дома даже конфету в рот положить, всегда говорит:

— На улице только собаки едят.

И вдруг! Бабася предложила лакомство!!!

Наверное, мысли отразились на моем лице, потому что бабуля засмеялась:

— Угощайся, — а потом добавила: — Сегодня все можно, сегодня нужно только радоваться.

Размышлять над ее словами я не стала, боясь, что бабуля передумает, живо слопала пломбир в шоколаде. Но на этом сюрпризы не завершились.

Мы вышли на каком-то полустанке, и к нам со всех ног бросился мужчина.

— Бабусенька, — закричал он, — жду вас! Ой как радостно! Ой как хорошо!

Потом незнакомец распростер объятия, обнял Фасю и три раза чмокнул ее.

Я вжала голову в плечи. Афанасия Константиновна терпеть не может, когда ее целуют посторонние. Сейчас она схватит внучку за руку, и мы вернемся домой. А я сгораю от любопытства: куда и зачем сейчас приехали?